

Центральная городская библиотека
им. Ю.Н. Либединского
Отдел библиографической работы

Семен Гудзенко
1922-1953

**«Мы пред нашей Россией
и в трудное время чисты»**

Библиодайджест

Миасс
2022

Семён Петрович Гудзенко (1922 - 1953) прожил до обидного короткую жизнь, но оставил очень яркий след в литературе. Его стихи, прочитанные лишь однажды, навсегда остаются в сердце кровоточащей болью о погибших солдатах и жестокости войны. Творчество Семёна Гудзенко – это голос целого поколения людей, чью жизнь навсегда захватила и целиком определила война. Сквозь его биографию проступает биография поколения, которое со школьной скамьи самоотверженно ринулось в битву и, жертвуя всем, вплоть до жизни, вынесло на своих плечах тяготы и горе войны; поколения, которое, мужая, закаляясь и становясь суровее, прошло всю грандиозную дорогу сражений, побед и утрат.

Предназначено для учащихся и педагогов.

Изображения – из открытых источников.

Проба пера

*...Я родился даже не в двадцатом,
и в гражданскую одним солдатом
меньше полагается считать.*

Родной город Семена (Сарио) Гудзенко – Киев, столица Украины. Именно там, в доме №3 по улице Тарасовской он и родился 5 марта 1922 года. Его отец, Пётр Константинович Гудзенко, был инженером; мать, Ольга Исаевна, – учительницей. Дед по отцовской линии – Кун Меерович Гудзенко, мещанин из Белой Церкви. Двоюродный брат Семена – Михаил Рогинский приобрел популярность в СССР и Франции, он известный художник.

Мать дала сыну необычное имя - Сарио. Почему женщина назвала мальчика итальянским именем, теперь сказать трудно. Имя звучало слишком по-взрослому для малыша, поэтому все ласково называли его Сарик.

В Семена он превратился в 1943 году, уже став автором многих стихов о войне. Молодой человек подумал, что его настоящее имя звучит несерьезно, слишком опереточно, что ли, а из «Сарика» он уже давно вырос. Он решил, что должен соответствовать духу того времени, и подобрал себе имя, которое казалось ему настоящим, мужским – Семен. Его стихи вышли одновременно на страницах двух газет – «Смена» и «Знамя», и поэт в письме матери написал, чтобы она не

удивлялась, когда увидит стихи, под которыми стоим имя автора – Семен Гудзенко. Он сообщал, что это его стихи, просто он сменил имя, так как Сарио не очень хорошо сочетается с фамилией. И спрашивал, не обидел ли он ее своим поступком.

Первая проба пера Гудзенко состоялась еще в раннем детстве, ему было всего пять лет. Спустя два года, в 1929-м, мальчик стал первоклассником киевской 45-й школы. Параллельно с занятиями в школе он занимался в литературной студии Дворца пионеров. Его друг, который посещал ту же студию, позже вспоминал, что Сарио обладал удивительной памятью. Гудзенко знал наизусть несколько сотен произведений разных поэтов, русских и зарубежных. Читал Маяковского, Тихонова, Багрицкого, Симонова, Хлебникова, Киплинга, Сашу Черного, Вийона, Анненского. Руководителю их студии очень нравилось общаться с начитанным мальчиком, между ними часто возникала полемика на почве литературы.

Первые литературные пробы Гудзенко были написаны на украинском языке, ведь он родом из Киева. Потом он попробовал писать на идише. В пятнадцатилетнем возрасте Сарио сочинил стих, приуроченный к 100-й годовщине со дня смерти Пушкина. Его напечатали весной 1937 года на страницах журнала «Молодая гвардия». За это юного поэта ждала престижная награда, путевка во всесоюзную детскую здравницу «Артек».

В 1939-м Гудзенко окончил среднюю школу, и понял, что хочет посвятить свою жизнь литературному творчеству. В Киеве тоже можно было найти возможности для реализации своей мечты, но молодой человек захотел получить высшее образование в Москве. Поэтому сразу после получения школьного аттестата отправился в столицу СССР.

Позади остался теплый зеленый Киев, впереди – мечта о литературном поприще. Семен, как и многие приезжие, выделялся на фоне столичной молодежи. Широкие парусиновые брюки, ковбойка с закатанными выше локтя рукавами и обнаженными загорелыми крепкими руками, выдавали в нем провинциала. Именно таким он приехал на Киевский вокзал столицы.

В том же году Гудзенко поступил в МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории имени Чернышевского. Семен долгие годы вел дневник, куда записывал свои мысли, переживания, впечатления. Перед отъездом в Москву молодой человек записал очередную свою мысль о том, что если человек ни разу не познал горе или любовь, то стихов ему лучше не писать.

Сам будущий поэт с жадностью накинута на изучение поэзии и литературы, он старался взять для себя что-то новое, неизвестное ему ранее. В этот период его любимыми авторами стали Джек Лондон и Эрнест Хемингуэй, Велимир Хлебников и Николай Тихонов. Он пристально следил, как формируются поэты уже нового, его поколения – Константин Симонов и Борис Пастернак. В стихах Гудзенко того времени прослеживается подражание поэту Багрицкому. Его увлекла поэзия Маяковского, но чуть позже пришло разочарование его творчеством.

В мае 1941-го Семен дописал последнюю страницу своего дневника, и начал следующий, которому придумал шутливое название – «Жалобная книга». В нем была одна-единственная запись, которую мог понять только такой же бедный студент, как сам Семен – «денег нет, и занять не у кого». У Гудзенко как раз начались экзамены после второго курса, когда СССР подвергся нападению немецких оккупантов.

Война

*Перед атакой
Когда на смерть идут – поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки.*

Высокий, широкоплечий, загорелый, зеленоглазый, в коричневом пиджаке и парусиновых брюках - таким Гудзенко пришел на стадион «Динамо», где в первые недели войны формировалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения - спецназ 1941 года. Бригада формировалась для разведывательных и диверсионных действий. Это было совершенно новое для нашей армии элитное подразделение (всего бригада насчитывала около тысячи человек). Отбирали туда прежде всего спортсменов, самых крепких, сообразительных, с хорошим знанием немецкого. В ОМСБОН взяли довольно много ифлийцев (из самых известных — Юрий Левитанский, В.Кардин). Как же туда попал 19-летний студент второго курса литфака Гудзенко? Объяснение простое: при отборе ценилась не только физическая подготовка, но и психологическая устойчивость, творческий склад ума, способность быстро принимать решения, знание языков, коммуникативность. Все это было у Гудзенко. Он знал языки, был общительным, неунывающим, остроумным, начитанным. Если добавить к этому невероятное обаяние и надежность, которую он излучал, то сразу было понятно: с таким парнем можно идти в разведку. Гудзенко можно по праву назвать первым поэтом советского спецназа.

Ребята готовили по ускоренной программе, из рекордсменов и филологов - разведчиков и подрывников. Основными предметами, кроме огневой подготовки, рукопашного боя и неизбежной строевой, было саперно-подрывное дело. В.Кардин вспоминал о Гудзенко: «Он любил порядок, аккуратность. Поэтому, вероятно, легко принял армейский быт, дисциплину. Первым среди нас, вчерашних студентов, вышел в чины — получил ефрейторское звание...» Два-три месяца ускоренной подготовки, и отряды омсбоновцев уходили в тыл врага. В сентябре-октябре их готовили к уличным боям в Москве. Немцы рвались уже не к Москве, они рвались в Москву, в бинокли рассматривали город. 6 ноября курсанты приняли присягу во дворе Литинститута (там дислоцировалась тогда 1-я рота 2-го полка). 7-го прошли по Красной площади (легендарный парад!). 8 ноября рота, в которой служил Гудзенко, была уже в прифронтовой полосе.

Омсбоновцев небольшими отрядами забрасывали на оккупированную территорию Калужской, Смоленской и Брянской областей. Отряды состояли только из добровольцев, связанных крепкой дружбой. В боевой обстановке важно было понимать друг друга без слов. Переходили линию фронта на лыжах, пробирались глухими лесами. У каждого за спиной - по пятнадцать килограммов тола плюс оружие. Подрывали мосты, минировали шоссейные и железные дороги, забрасывали гранатами немецкие штабы. Гудзенко по штатному расписанию был пулеметчиком и потом не раз со своим «дегтярем» прикрывал отход товарищей. Матери писал: *«Служу в войсках НКВД в Особом отряде»*. Командир вспоминал потом о Гудзенко: *«Семен был первым номером ручного пулемета и командиром отделения. Гудзенко многим спас жизнь, не раз выручал своих товарищей...»*

ОМСБОН отличался особенной воинской спаянностью. В бригаде возникли свои ритуалы, традиции, в том числе и литературные (раз в неделю устраивались вечера, лекции, встречи с писателями). В бригаде был свой джаз-оркестр, каждое подразделение имело свою «фирменную» песню, что-то вроде

гимна. Бригадная газета «Победа за нами» делалась ярко, броско и поражала разнообразием жанров. В эфир выходила радиогазета, которую тоже готовили ифлийцы. Проводы диверсионно-разведовательных отрядов в тыл врага проходили без казенных формальностей, в обстановке дружеских подначек и душевных напутствий.

Из записных книжек Семена Гудзенко:

«Проза Дж.Лондона и стихи Н.Тихонова стали евангелием ифлийцев-бойцов. Мы лежим на снегу. «Ваше слово, товарищ маузер», — сказал, улыбаясь одними глазами, парень. Грянул выстрел. Маяковский воюет».

«Война — это камень преткновения, о который спотыкаются слабые. Война — это камень, на котором можно править привычки и волю людей. Много переродившихся людей, ставших героями».

2 февраля 1942 года Гудзенко был ранен в живот осколком мины. Кто-то из друзей потом заметил: «пушкинское ранение». Бригадный врач вспоминал: «Семён Гудзенко страдал терпеливо и мужественно. Он сказал мне: «Одно прошу: не старайтесь меня ободрить, от этого только хуже. Знаю, что ранения в живот обычно смертельны. У меня хватит силы умереть с сознанием выполненного долга перед партией и товарищами. Это были слова настоящего зрелого бойца. И, может быть, поэтому наши глаза остались сухими. Только неприятный комок подступил к горлу. Семён был ранен в разведке. Как это произошло — он не рассказывал». К счастью, в тот раз предчувствие обмануло поэта-бойца: он поправился...»

Долечиваясь в Москве после тяжелого ранения, он читал стихи в госпиталях, студенческих аудиториях, цехах. Люди переписывали их от руки, посылали друг другу в письмах. Знакомится с Антокольским, а 9 мая 1942

года — с Эренбургом, которого впоследствии считали первооткрывателем такого необыкновенного таланта. Из воспоминаний Эренбурга: «Это поэзия — изнутри войны. Это поэзия участника войны. Это поэзия не о войне, а с войны, с фронта. Его поэзия мне кажется поэзией-провозвестником... Он принадлежит к тому поколению, которого мы еще не знаем, книг которого мы не читали, но которое будет играть не только в искусстве, но и в жизни решающую роль».

Фронтový поэт

*И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.*

Первые стихи Гудзенко опубликовал в армейской печати в 1941. Первую книгу стихов «Однополчане» выпустил в 1944 году. Еще 9 апреля 1943-го Семён писал маме о готовящейся книжке: «Самое замечательное — у меня выходит в Гослитиздате книга стихов... Успех меня окрыляет, но не кружит головы — я все понимаю не очень плохо. Конечно, мне очень приятно, что в 21 год я начал свою поэтическую судьбу, и начал решительно и твердо. Не хочется думать и загадывать: а что будет дальше? Но сейчас на литературном фронте у меня наступление...»

После госпиталя его признали негодным к строевой. С июня 1942-го он служит в редакции газеты ОМСБОНа «Победа за нами». В редакции его давно знали, он с осени сорок первого печатался в ней под псевдонимом «П. Гударов». В своих стихах Семён очень точно передавал все тонкости окопного, неприкрашенного быта; клич победы, ради которого жили и шли на смерть; крики ненависти и боли, переполнявшие каждого и на фронте, и в тылу:

- «Я был пехотой в поле чистом»;
- «Моё поколение»;

- «Могила пилота»;
- «На снегу белизны госпитальной»;
- «Мы не от старости умрём»;
- «Небеса»;
- «Баллада о дружбе»;
- «Надпись на камне»;
- «Первая смерть»;
- «Победитель»;
- «Подрывник».

В 1942-м году он пишет новые стихи - «Товарищи», «Первая смерть», да и многие другие о своих ровесниках на войне, фронтовых друзьях. В Москве, где еще действует комендантский час, у молодого поэта проходит два вечера: в Литинституте и в клубе МГУ.

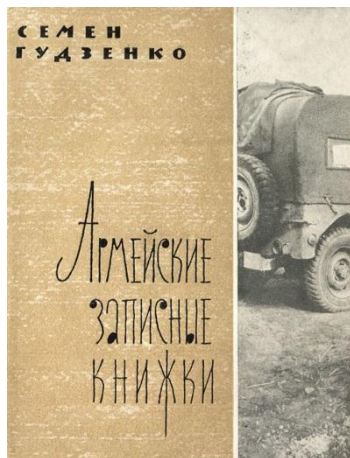
21 апреля 1943 года прошел творческий вечер Гудзенко в московском Клубе писателей. В зале собрались все литераторы, которые не ехали в эвакуацию или уже вернулись из нее. Об этом вечере потом рассказывали легенды. На другой день Гудзенко писал матери: «Вечер прошел неожиданно прекрасно. Я не думал, что так все это будет. Говорят, что два года не было столько народа...». Герой вечера пребывал в невероятном напряжении и возбуждении. Когда он заговорил, в зале установилась мертвая тишина. Молоденький парень, вчерашний студент, рассказывал такие вещи, о которых фронтовики предпочитали не вспоминать и много лет спустя после войны. Из выступления на вечере сослуживца поэта, офицера-подрывника Беркина: «У тола есть такое качество, что он не боится времени, и может... пролежать где-нибудь и все же потом взорвется. Я думаю, что и стихи Гудзенко не боятся времени...».

Немного окрепнув, фронтовой поэт отправился в качестве журналиста «Комсомольской правды» на стойки разрушенного, но уже освобожденного от фашистов Сталинграда.

В сентябре 1943 добился отправки на фронт. В 1943 году ОМСБОН переформировали, и Гудзенко перевели в газету 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск». Он работает военным корреспондентом, присоединяется к выездным редакциям газет, ездит по территории страны, как уже освобожденным, так и охваченным боями. При этом он продолжает писать стихи, создает заметки, составившие впоследствии «Армейские записные книжки». В конце войны он так писал в своей автобиографии: «Год солдат, восемь месяцев в газете, полгода в Сталинграде в редакции... Снова фронт - Трансильвания, Венгрия, Словакия. Что впереди? Трудно, но я должен довоевать...» Прошел Карпаты и Венгрию, освещал осаду и штурм Будапешта, где и встретил День Победы.

Заслуги поэта перед родиной были оценены очень высоко:

- Орден Отечественной войны II степени — награждён 12 мая 1945 года;
- Орден Красной Звезды — награждён 14.05.1945 года за освещение штурма Будапешта в прессе;
- Медаль «За оборону Москвы»;
- Медаль «За трудовую доблесть»;
- Медаль «Партизану Отечественной войны»;
- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- Медаль «За взятие Вены»;
- Медаль «За взятие Будапешта»;
- Медаль «За освобождение Праги».

После войны

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя -
только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.

После окончания Великой Отечественной войны работал корреспондентом в военной газете. Он все время в дороге: Западная Украина, Тува, Средняя Азия...

Активность натуры Семена Гудзенко врывалась в стихи, постоянно проявлялась в жизни. Любящий дальние дороги, быстро и добросердечно сходящийся с людьми, становящийся мгновенно душой того общества, в которое попал, он отличался в то же время удивительным вниманием к каждому человеку, с которым довелось соприкоснуться, всегда готов был прийти на помощь и делал это умело и просто.

Наиболее значительными в творчестве Гудзенко являются его фронтовые стихи и баллады. Поэзия Гудзенко, неровная, тревожная, глубоко искренняя, - один из достоверных документов биографии того поколения молодёжи, на долю которого выпали тяжёлые испытания военного времени.

В послевоенные годы вышли книги С.Гудзенко:

- «Стихи и баллады» (1945),
- «После марша» (1947),
- «Закарпатские стихи» (1948),
- «Битва» (1948),
- «Поездка в Туву» (1949)
- «Дальний гарнизон. Поэма» (1953),
- «Новые края» (1953).
- «Дальний гарнизон» (1950)

В 1962 изданы «Армейские записные книжки» Гудзенко. Содержание записей чрезвычайно разнообразно. В этом разнообразии выделяются картины западных городов — Будапешта, Вены, Праги — в первые дни после их освобождения Советской. Армией и встречи в эти знаменательные дни конца 1944 — начала 1945 года со множеством людей, представителей разных военных специальностей и званий, с венграми, немцами, чехами.

Послевоенную славу Гудзенко можно было сравнить только со славой Константина Симонова или Александра Твардовского, но Семен был на целое поколение моложе. В 25 лет Гудзенко уже руководил семинарами молодых писателей. Вокруг него образовалось целое братство молодых поэтов, вернувшихся с войны. В Москве с успехом проходят поэтические вечера Гудзенко. Его популярность среди молодежи огромна. Он был активно поддержан молодыми писателями на их Первом всесоюзном совещании в 1947 году.

Сложно представить, какой обширной была бы библиография поэта, если бы судьба дала ему шанс прожить долгую жизнь, а не уйти в расцвете сил.

Последний подвиг

*Мы не от старости умрем
Мы не от старости умрем,-
от старых ран умрем.*

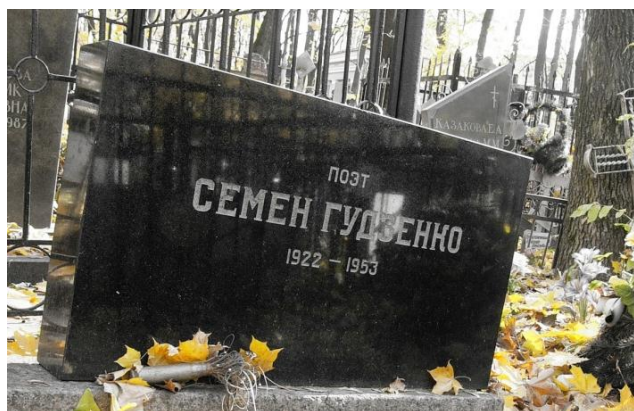
Война сыграла свою роковую роль как в жизни, так и в смерти поэта. Проблемы со здоровьем начались у Семена еще

осенью 1951 года. Последствия контузии, полученной на фронте, медленно убивали его. Опухоль мозга... Гудзенко перенес несколько операций.

По воспоминаниям Евгения Долматовского, последние месяцы жизни поэта — это «новый подвиг, который по праву можно поставить рядом с подвигом Николая Островского, Александра Бойченко, Алексея Маресьева: прикованный к постели поэт, точно знающий о том, что его недуг смертелен, продолжал оставаться романтиком, солдатом и строителем. У его постели собирались друзья, чтобы говорить с ним не о недугах и лекарствах, а о борьбе вьетнамского народа за свою независимость, о строительстве на Волге и Днепре, о новых изобретениях и открытиях, и конечно, о стихах. В последние месяцы своей жизни Семен Гудзенко, уже не могший писать сам, продиктовал три стихотворения, которые, несомненно, войдут в золотой фонд советской поэзии».

Он снова, как в войну, оказался на смертельном рубеже, между жизнью и смертью. Это родило высокое эмоциональное напряжение стихов, определило образный строй. Пережитое на фронте органически вплетается в эти стихи: «Жизнь мою спасали много суток в белом, как десантники, врачи»; «На Большую землю выносили сквозь больницы глушь и белизну»; «Как без вести пропавших ждут, меня ждала жена»; «Но я, как на войне солдаты, боюсь загадывать вперед».

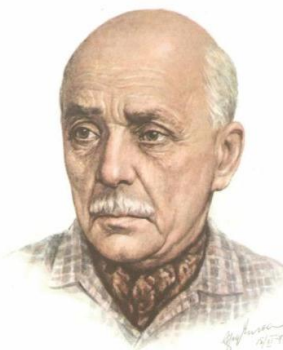
Семен Гудзенко умер 12 февраля 1953 года в больнице, в отделении нейрохирургии. Место, где поэт нашел свой вечный покой — Ваганьковское кладбище.

Он не дожил до своего 31-го дня рождения всего несколько недель, ушел в расцвете сил и славы. Поэт обладал удивительной внешностью, открытым благородным, очень красивым лицом, на котором отражались все его чувства и эмоции. Простосердечный, общительный, отзывчивый, невероятно веселый и юморной, ему бы жить и жить. Важно то, что в его короткой, но такой насыщенной жизни, было все – дружба, любовь, работа, и его невероятной силы стихи.

Современники о поэте

Павел Антокольский: «Первое мое знакомство с Семеном Гудзенко в начале 1943 года было связано с очень коротким испытанием, выпавшим на мою долю. Оно продолжалось чуть меньше секунды, но было настолько сильным, что я должен о нем сказать. Когда вошел этот высокий, страшно худой, черноволосый юноша в выцветшей гимнастерке, мне вдруг померещилось, что это мой сын, известие о гибели которого пришло месяцев за шесть-семь до того. ... Не буду больше к этому возвращаться, скажу только, что эта первая секунда окрасила собою многое в наших дальнейших отношениях, в дружеской близости, возникшей между двумя людьми, столь разными по возрасту. Он только что вернулся из госпиталя, и все его существо дышало войной, пережитым на войне. А на войне с ним произошло событие огромной важности: он стал взрослым человеком. Он читал стихи, те самые, что в скором времени вошли в его первую книжку «Однополчане». О них и тогда и впоследствии много говорили, спорили, ими увлекались, их отвергали начисто, принимали до конца. Разноречивость оценки сама по себе свидетельствовала о силе стихов. Что же в первую очередь отличало их от других фронтовых стихов, чем держится эта угловатая юношеская лирика, о чем она? О правде. Только правдой держится она.

Павел Григорьевич Антокольский
(Род. 1896)

Поэт пришел из низов армии, из стрелкового батальона. ... Действительно, такой солдат впервые забрел в поэзию, но, если уж он оказался вогнанным в крутую строку, он очень твердо свидетельствовал о правде рассказанного, о суровой правде фронтовых будней».

Михаил Луконин: «Кому хоть раз доводилось слушать чтение Семена Гудзенко, тот помнит, как оно завораживало и захватывало душу. Это было обаяние подлинности и правды светлого таланта. Мне приходилось много раз выступать с ним, и всегда это было радостью... Он был бойцом в полном и высоком смысле этого понятия, человеком не только красивым, но и сильным. Он был очень похож на свои стихи, неотделим от них. Во всем, чему отдавался Семен все эти недолгие годы своей быстрой жизни, во всем — большая сила страстного молодого таланта. Это был талант, оказавшийся на гребне жизненных испытаний, это была молодость, оказавшаяся готовой к этим испытаниям. Ветер и дождь, земля и небо, люди труда и подвига, верность долгу — вот пафос его творчества, и ни война, ни мир не являются темой сами по себе, вся его поэзия — это поэзия большого советского характера».

Из книги **Ильи Эренбурга** «Люди, годы, жизнь»: «Это был один из первых весенних дней. Утром в дверь моей комнаты постучали. Я увидел высокого грустноглазого юношу в гимнастерке. Ко мне приходило много фронтовиков — просили написать о погибших товарищах, о подвигах роты, приносили отобранные у пленных тетрадки, спрашивали, почему затишье, и кто начнет наступать — мы или немцы. Я сказал юноше: «Садитесь!». Он

сел и тотчас встал: «Я вам почитаю стихи». Я приготовился к очередному испытанию — кто тогда не сочинял стихов о танках, о фашистских зверствах, о Гастелло или о партизанах. Молодой человек читал очень громко, как будто он не в маленьком номере гостиницы, а на переднем крае, где режут орудия. Я повторял: «Еще... еще...» Потом мне говорили: «Вы открыли поэта». Нет, в это утро Семен Гудзенко мне открыл многое из того, что я смутно чувствовал. А ему было всего 20 лет; он не знал, куда деть длинные руки, и сконфуженно улыбался. Одно из первых стихотворений, которое он мне прочитал, теперь хорошо известно («Перед атакой»).

Яков Хелемский: «Он не робел перед авторитетами, суждения его были самостоятельны и по-юношески категоричны. В то же время собственный литературный успех не кружил ему головы. Его хвалили, одна за другой выходили его книжки, появлялись уже переиздания. Но и тени зазнайства в нем не было. Свойственное ему чувство иронии проявлялось и по отношению к самому себе и от многого спасало. Его «лидерство» среди молодых выражалось прежде всего в заботе о товарищах - он «проталкивал» чьи-то рукописи, он выискивал молодых армейских, еще неизвестных поэтов. Он составил из рукописей этих поэтов сборник для Воениздата. Если не ошибаюсь, в сборнике впервые печатались Евгений Винокуров и Константин Ваншенкин.... Собеседник и рассказчик Семен был отличный Живой, остроумный, он поражал меткостью суждений, отточенностью каламбуров, мягким юмором...»

Я. А. Хелемский, поэт, военный корреспондент.
1941 г.

Лев Озеров: «Есть поэты, чьи биографии глядят на читателя прямо со

страниц стихотворных сборников. Поэзия их встает впереди всех предисловий. Она, как пехота, входит в непосредственное соприкосновение с читателем. К числу таких поэтов принадлежит Семен Гудзенко. Он работал над стихом настойчиво, но ему не терпелось выйти к читателю и слушателю. Он был из числа тех, кто пробивал дорогу слову звучащему, успеху тех поэтов, которые придут позднее — уже в середине, во второй половине пятидесятих годов, подготовит почву для победного шествия поэзии в сердца читателей».

Александр Межиров

«Памяти друга» (С.Гудзенко)

До сих пор я поверить не в силах,
Вспоминая родные черты,
Что к солдатам, лежащим в могилах,
Раньше многих отправишься ты.
Что тебя не подымет над тучей
Самолет со звездой на крыле,
Что под сенью березы плакучей
Отдыхаешь в родимой земле.
В той земле, для которой ни крови,
Ни дыхания ты не берег,
Что стоит у тебя в изголовье,
Вдоль пройденная и поперек.
Нас везли в эшелонах с тобою,
Так везли, что стонала земля,
С Белорусского — на поле боя,
И с Казанского — в госпиталя.
Ни кола, ни двора, только ноги...
Был твой подвиг солдатский тяжел.
Ты назвался поэтом дороги
И ни разу с нее не сошел.
Потому я и верю, что где-то
Между Кушкой и дальней Тувой,

Весь в сполохах сигнального света,
Мчится поезд грохочущий твой.
Или, может быть, от эшелона
В Закарпатье случайно отстав,
Ты проселком бредешь утомленно,
Догоняешь товарный состав.
Мне совсем не покажется странным,
Если с поезда только, с пути
Ты стоишь у дверей с чемоданом,
Ключ в карманах не можешь найти.

Юрий Левитанский

«Памяти ровесника»

Опоздало письмо.
Опоздало письмо.
Опоздало.
Ты его не получишь,
не вскроешь
и мне не напишешь.
Одеяло откинул.
К стене повернулся устало.
И упала рука.
И не видишь.
Не слышишь.
Не дышишь.
Вот и кончено все.
С той поры
ты не стар и не молод,
и не будет ни весен,
ни лет,
ни дождя,
ни восхода.
Остается навеки
один нескончаемый холод

продолженьем
далекой зимы
сорок первого года.
Смерть летала над нами,
витала, почти осязатима.
Были вьюгою белой
оплаканы мы и отпеты.
Но война,
только пулей отметив,
тебя пощадила,
чтоб убить
через несколько лет
после нашей победы.
Вот еще один холмик
под этим большим небосклоном.
Обелиски, фанерные звездочки –
нет им предела.
Эта снежная полночь
стоит на земле
Пантеоном,
где без края могилы
погибших за правое дело.
Колоннадой тяжелой
застыли вдали водопады.
Млечный Путь перекинут над ними,
как вечная арка.
И рядами гранитных ступеней
уходят Карпаты
под торжественный купол,
где звезды мерцают неярко.
Сколько в мире холмов!
Как надгробные надписи скупы!
Это скорбные вехи –
пути моего поколения.
Я иду между ними.
До крови закусены губы.

Я на миг
у могилы твоей
становлюсь на колени.
И теряю тебя.
Бесполезны слова утешенья.
Без тебя мне шагать
и подхватывать песню на марше.
Ничему не подвластен
железный закон притяженья
к неостывшей земле,
где зарыты ровесники наши.

Литература:

- Гудзенко, С.П. Стихи слагались на ходу / С.П.Гудзенко; составитель, автор вступительной статьи и примечаний С.И.Ярославцева. – Москва: Молодая гвардия, 1990. – 157с. – (В молодые годы). – Текст: непосредственный. (ЦГБ, ф.4, 16)
- Гудзенко, С.П. Стихотворения / С.П. Гудзенко. – Москва: Современник, 1985. – 143с.– Текст: непосредственный. (ф.1, 4)
- Гудзенко, С. Мы воду дымную хлебали из почерневших котелков... : неизвестные документы и рукописи из фонда №2207 РГА литературы и искусства / С. Гудзенко. - Текст : непосредственный // Родина. - 2015. - №5. - С. 32-37.

Источники:

- Фролова, Е. А. Поэзия "изнутри войны" : лингвостилистический анализ стихотворения С.П.Гудзенко "Путь" / Е. А. Фролова. - Текст : непосредственный // Русский язык в школе. - 2012. - № 2. - С. 45-47.
- Шеваров, Д. Вспоминайте милых и не ропщите на живых : вышла первая за тридцать лет книга стихов Семена Гудзенко / Д. Шеваров. - Текст : непосредственный // Российская газета. "Неделя". - 2020. - 9-18 декабря (№ 278). - С. 39.

- Шеваров, Д. Фронтной блокнот : его вел боец Особого отряда поэт Семен Гудзенко / Д. Шеваров. - Текст : электронный // Российская газета. "Неделя". - 2015. – 30 апреля (№ 93). - URL: <https://rg.ru/2015/04/29/stihi.html> (дата обращения: 09.02.2018).
- ✓ Семен Петрович. – Текст : электронный // Биограф.ru : [сайт]. –URL: <https://biographe.ru/znamenitosti/semen-gudzenko/> (дата обращения: 02.03.2022).
- ✓ Семён Гудзенко:«Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают эту взятую с боем суровую правду солдат...» – Текст : электронный // ВО!круг книг: блог Центральной библиотеки имени А.С.Пушкина г. Челябинска. – URL: http://vokrugknig.blogspot.com/2017/03/blog-post_5.html (дата обращения: 02.03.2022).
- ✓ Биография Семёна – Текст : электронный // Истории успешных людей : [сайт].– URL: <https://stories-of-success.ru/semena-gudzenko> (дата обращения: 09.02.2018).

Оглавление

Проба пера	3
Война	6
Фронтовой поэт	9
После войны.....	12
Последний подвиг	13
Современники о поэте	15
Литература:.....	21
Источники:	21

«Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты»: С.П.Гудзенко (1922-1953): библиодайджест /составитель О.Б.Шакирова. – Миасс: МКУ ЦБС, 2022. – 24 с. – Текст: непосредственный, электронный.